

РУБЕЖИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

В. О. Богданова

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.7332

МЕТАМОРФОЗЫ СУБЪЕКТНОСТИ В КОНСТРУКТИВИСТСКИХ МОДЕЛЯХ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье представлены конструктивистские модели философствования в их преемственности и взаимовлиянии в соответствии с определенными исторически сложившимися традициями философствования в свете философской проблемы субъекта. Нами выделяются три типа конструктивистских моделей философствования: конструктивистский гилеоморфизм, конструктивистская эйдетика и конструктивистская герменевтика. В качестве базовых конструктов в конструктивистском гилеоморфизме выступают априорные формы сознания, являющиеся предпосылками субъектности, в конструктивистской эйдетике — феномены сознания, обеспечивающие субъективацию мира, а в конструктивистской герменевтике — способы коммуникации, служащие условием интерсубъектности.

Ключевые слова: философия, субъект, эпистемология, познание, конструктивизм, философствование, типология, гилеоморфизм, эйдетика, герменевтика.

В данной статье мы попытаемся решить сразу две исследовательские задачи: осветить проблему субъекта с точки зрения философии конструктивизма и представить набросок типологии конструктивистского философствования. На наш взгляд, эти задачи неразрывно связаны друг с другом.

Существует множество теорий, которые так или иначе можно отнести к конструктивизму. Данные теории трудно классифицировать из-за того, что они возникли на стыке многих научных дисциплин. И. Т. Касавин выделяет две группы конструктивистских концепций: натуралистический и культуральный конструктивизм¹. К натуралистическому он относит радикальный конструктивизм, к культуральному — методический. Н. М. Смирнова выделяет два типа конструктивизма: умеренный и радикальный², рассматривая в качестве водораздела между ними отношение к онтологии (реализм

и номинализм). А. М. Улановский считает, что конструктивизм можно условно разделить на три течения: конструктивизм в узком смысле, радикальный конструктивизм и социальный конструкционизм³. Остальные конструктивистские теории стоят особняком и их трудно представить в единой классификации в силу их междисциплинарного характера⁴.

На наш взгляд, существующие классификации нельзя признать удовлетворительными, поскольку они лишены единого основания и являются далеко не полными. Обзор главных течений конструктивизма и их критический анализ довольно подробно представлен в дискуссиях и статьях современных российских философов на страницах ведущих философских журналов («Вопросы философии», «Эпистемология & философия науки»)⁵ и в сборниках Института фи-

¹ Касавин И. Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология & философия науки. 2008. Т. XV. № 1. С. 5–14.

² Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке: (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 18.

³ Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 35–45.

⁴ Князева Е. Н. Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. М.: ИФ РАН, 2006. С. 133–152.

⁵ Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке: (материалы «круглого стола») // Вопросы филосо-

лософии Российской академии наук¹. Данные материалы стали для нашего исследования отправной точкой в построении типологии конструктивистских моделей философствования в их развитии и взаимовлиянии.

В данной статье мы не ставим перед собой цель обозреть все многообразие конструктивистских теорий в философии. На наш взгляд, гораздо важнее установить преемственность и взаимовлияние этих теорий, «изнутри» рассмотреть наиболее характерные из них в свете тех или иных традиционных философских проблем. В центре внимания нашего исследования находится проблема субъекта и те специфические интерпретации этой проблемы, которые дает конструктивизм. Мы выделяем ключевые конструкты, на которых базируются конструктивистские теории и которые служат их концептуальными скрепами. Эти конструкты мы будем именовать в дальнейшем «конструктивистскими моделями философствования», на основе которых и попытаемся дать набросок типологии конструктивизма.

Наша типология строится в соответствии с тремя способами философствования: гилеоморфизмом, эйдетикой и герменевтикой. Названия и основные характеристики этих способов мы берем со ссылкой на исследование Г. Б. Гутнера «Гилеоморфизм, эйдетика и коммуникативные практики»². По нашему мнению, именно эта классификация способов философствования даст возможность установить те эпистемологические конструкты, на которых они базируются, чтобы потом проследить генезис, взаимовлияние и преемственность возникших на их основе теорий конструктивизма на примере интерпретации проблемы субъекта. В результате мы получим типологию, выстроенную по единому смысловому основанию и преодолем эклектизм существующих классификаций.

фии. 2008. № 3. С. 3–37; Обсуждаем статьи о конструктивизме (В. П. Филатов, И. Т. Касавин, Г. И. Рузавин, А. Ю. Антоновский) // Эпистемология & философия науки. 2009. Т. XX. № 2. С. 144–156.

¹ Конструктивизм в теории познания / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2008; Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.

² Гутнер Г. Б. Гилеоморфизм, эйдетика и коммуникативные практики // Наука: от методологии к онтологии. М.: ИФ РАН, 2009. С. 152–167.

С точки зрения классической теории познания субъект — это некая непосредственная данность, а все, что относится к области «внешнего» мира вызывает сомнение. Со временем подобная односторонняя позиция оказалась не столь «ясной и очевидной», как это представлялось некогда Декарту. Рассматривать субъекта как противопоставленного и отъединенного от окружающего мира можно только с позиции его познавательной деятельности, а не с позиции его существования. Фактом своего существования субъект включен во все многообразие связей с реальным миром, систему отношений с другими субъектами. Исходя из этого, мы получаем и многообразие субъектности, например: психологическое отношение — (я) Индивид; социальное отношение — (он, она, они) Другой; ценностное отношение — (ты, вы, мы) Личность. В связи с этим возникают принципиально новые по сравнению с классической теорией познания проблемы: как определить (обнаружить) субъекта в тотальной данности мира и социума и как объяснить генезис индивидуального сознания, исходя из этой данности? Как объяснить возможность интроспекции? Каким образом субъект может воспринимать состояния собственного сознания? Если обычное восприятие возможно с помощью органов чувств, то с помощью каких «органов чувств» можно воспринимать факты сознания? И кто в этом случае является воспринимающим субъектом?³

Выделяют четыре характеристики субъекта: во-первых, субъект — целеустремленное (то есть целеполагающее и целедостигающее) существо; во-вторых, субъект — рефлексирующее существо, обладатель образа себя; в-третьих, субъект есть свободное существо; и, в-четвертых, субъект — развивающееся существо, ибо ему приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой, среде⁴. Понимание субъекта как носителя деятельности, сознания и познания возникло в философии Нового времени и пришло на смену пониманию субъекта как некоего «безликого» метафизического основания объективной реальности. В новоевропейской

³ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2009. С. 168.

⁴ Проблемы субъектов в постнеклассической науке / под ред. В. И. Аршинова и В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 11.

философии, пожалуй, только Гегель и его последователи остались верны такой абсолютизации субъекта, согласно которой индивидуальный субъект являлся лишь промежуточным, хотя и ключевым этапом на пути к Абсолюту. Вообще вся проблематика, связанная с пониманием субъекта, была в классической философии по сути дела тождественна проблематике Я¹. Позиция субъектоцентризма была господствующей, только эмпирики отрицали «привилегированное» положение субъекта в теории познания. А если различать эмпирическое и трансцендентальное, то неизбежно и сам субъект тоже «распадется» на эмпирического и трансцендентального.

С точки зрения конструктивизма субъект никогда напрямую не контактирует с окружающими миром. Его контакт с реальностью представляет собой сложную систему опосредования. Поэтому то, что носит название реальности, является, по сути, результатом творческой активности субъекта, его продуктивной деятельности, миром его опыта и коммуникации с другими, подобными ему «социокультурными конструктами». Такое освоение реальности представляет собой скорее процесс ее субъективации, нежели объективации. Поэтому сознание в конструктивизме наделяется онтологическим статусом, т.е. выступает в роли «первой» и «последней» инстанции. Однако имманентные сознанию когнитивные конструкты нельзя обнаружить и исследовать непосредственно, напрямую. Они свидетельствуют о своем существовании опосредованно через познавательный процесс и его результаты. Субъект-объектное отношение представляет собой систему взаимопределяющих и взаимотысялающих друг к другу конструктов, среди которых, например, наиболее известными являются: априорные формы сознания (И. Кант), архетипы коллективного бессознательного (К. Г. Юнг), устойчивые познавательные привычки (Д. Юм), научные парадигмы (Т. Кун), социокультурные установки-«пред-рассудки» (М. Хайдеггер, Х.— Г. Гадамер), структуры языка (Ф. де Соссюр), социокультурные знаки, символы, тексты (структуралисты) и др.

Генезис когнитивных конструктов, «собираение» субъекта обусловлено адаптив-

ной функцией познания, обеспечивающей приспособление и выживание организма. Поэтому с точки зрения конструктивизма ценность познания определяется его жизнеспособностью, прагматикой языка и действия, служащих интересам субъекта. Когнитивные конструкты дают возможность предсказаний, предвосхищения и применения результатов опыта в будущем. Когнитивные конструкты обеспечивают устойчивость жизненного опыта субъекта, и как следствие этого, устойчивость структур «внешнего» мира, опосредованных данным опытом.

Предпосылки субъектности с позиции конструктивистского гилеоморфизма

Реализацию «конструктивистского проекта» в философии, по нашему мнению, следует начинать с Канта, который стал использовать аристотелевское разделение материи и формы для описания самого процесса познания, придав ему тем самым конструктивистский характер. Подобно тому, как у Аристотеля форма не существует без материи, кантовские категории не имеют иного применения, кроме оформления чувственного опыта. Категории существуют только в действии, т.е. в некоем синтезирующем акте субъективации и не обнаруживаются помимо него.

Предоставленный самому себе одинокий субъект Декарта (тождественный своему сознанию), отъединенный от внешнего мира и мира других людей, по сути, не может осознать своего существования. Ведь осознание себя в качестве существующего означает превращение самого себя в объект интроспекции. Следовательно, единый субъект раскалывается надвое, возникает принципиальный вопрос о самой возможности интроспекции: кто мыслит моё Я как существующее? Поэтому субъект и объект (мир внутренний и мир внешний) должны представлять собой неразрывное единство, а по сему, человек познает мир, контактирует с миром, но, не выходя за границы априорных структур сознания.

Ключевым моментом конструктивистского гилеоморфизма является то, что категории рассудка обуславливают структуру познанной реальности (априоризм), не позволяют взглянуть

¹ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2009. С. 155.

на реальность с позиции стороннего наблюдателя, а онтология всегда вторична по сравнению с конструирующей способностью сознания и познавательного процесса. К данному типу философствования относятся теории, фундаментальные процесс познания либо на врожденных формах мышления, либо на приобретенных в процессе эволюции.

Эволюционисты, например К. Лоренц и Г. Фоллмер, рассматривают кантовские априорные формы мышления в качестве «наследственных рабочих гипотез», которые прошли эволюционный естественный отбор, т.е. адаптацию¹. Адаптивные врожденные структуры мышления соответствуют реальности лишь в той мере, которая обеспечивает выживание организма. По мысли У. Матураны и Ф. Варелы, врожденные структуры мышления характеризуются «операциональной замкнутостью», в результате чего процесс познания уже как бы предопределен особенностью организации и функционирования живой (аутопоэзной) системы². Аутопоэзная система способна породить собственные описания и работать с ними как с независимыми сущностями, но не может выйти за пределы своей области познания, не может сравнить свои представления о реальности с действительностью («самореферентность»).

Эволюционная эпистемология К. Лоренца дает новый взгляд на ключевые положения учения Канта об априорных формах мышления. Подвергается критике положение Канта об относительной независимости форм познания от мира природы. Лоренц в своей работе «Кантовская концепция априори в свете современной биологии» приходит к мысли, что у животных и человека врожденные знания вырабатываются в процессе эволюции, следовательно, *образование априорных первичных принципов сознания находятся в тесной взаимосвязи с законами природы*³. Категории и фор-

мы интуиции сознания возникли как результат адаптации живого организма к окружающей среде в процессе филогенеза, поэтому априорные формы мышления возникли апостериори в эволюции человека разумного.

По мысли Лоренца, живые организмы наделены «врожденным механизмом запуска» — физиологическим аппаратом, который фильтрует стимулы. Врожденный механизм запуска приводит в действие инстинктивные движения, свойственные виду двигательные координации, запрограммированные в геноме. Врожденные механизмы в геноме способны воспринимать и обрабатывать ценную для выживания информацию, но они не в состоянии справиться с новыми *быстрыми* изменениями окружающей среды. Врожденные механизмы независимы от обучения, являются готовыми приспособительными структурами, закрытой программой.

Помимо «закрытой программы», обусловленной геномом человека, которая оказывает влияние на познание, существует еще и «открытая программа», отражающая сам этот процесс. Ее запуск обусловлен способностью субъекта приобретать и накапливать информацию о мире, которая не заключена во врожденных когнитивных структурах (в геноме). Естественно, «открытая программа» разворачивается на основе генетической информации, поэтому обладает ограниченной автономией. Любое обучение является, по сути, такой «открытой программой», которая осуществляется, когда под воздействием определенных внешних влияний организм выбирает из разнообразных возможностей ту, которая лучше всего подходит к данной ситуации. Само рождение субъектности, превращение живой системы из хранилища генетической информации в субъект познания возможно благодаря этому свойству открытости.

Модели адаптации, «операциональной замкнутости», самореферентности в большей мере характерны для концепций радикального конструктивизма. Субъекту познания отводится активная роль. Наблюдатель со своим мировоззрением, теориями, гипотезами, установками оказывает решающее влияние на характер изучаемых явлений.

Основная функция знаний, сложившееся в процессе эволюции, — обеспечить выживание организма. Конечно же, знания, не соот-

¹ Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. М., 1998.

² Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

³ Лоренц К. Кантовская концепция априори в свете современной биологии: (Электронный ресурс). Режим доступа: URL: <http://www.ltn.lv/~elefzaze/lorenz/apriori.html>

ветствующие реальности, не приводят к его немедленной гибели, они лишь уменьшают его адаптивные функции, поскольку рано или поздно проявят свою несостоятельность. Сама действительность естественным образом определяет пределы допустимого, отсеивает все не подтвержденные опытом идеи и теории. Как известно, естественный отбор не носит направленный характер и не «отбирает» автоматически самые устойчивые, наиболее пригодные и «истинные» экземпляры для жизни. Он производит не только созидательный, но и разрушительный эффект. Поэтому знание будет полезным и жизнеспособными только в том случае, когда оно принесет устойчивость в опытный мир, даст возможность делать предсказания, допускать или предотвращать те или иные явления и события в будущем. Знания как бы устанавливают контроль над происходящими событиями и помогают субъекту адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей среды. Знание, которое не справляется с этой задачей, воспринимается как сомнительное, ненадежное, а потому бесполезное. Таким образом, ценность знаний с позиции радикального конструктивизма заключается в создании когнитивных конструкций, адекватных будущему, которые формируются в процессе непрерывного контакта с окружающей средой, что способствует упорядочиванию жизненного опыта и, в конечном итоге, выживанию организма на каком бы уровне организации он не находился.

Врожденные механизмы, являясь «закрытыми программами», представляют собой готовые приспособительные структуры, которые способны воспринимать и обрабатывать ценную для выживания информацию. Они предшествуют опыту и служат предпосылками субъектности. Таковы, например «архетипы» К. Г. Юнга, являющиеся врожденными психическими структурами коллективного бессознательного, или «универсальные структуры» сознания К. Леви-Стросса, определяющие поведение индивидов, на основе которых конструируются представления о внешнем мире и культурной реальности. В этих конструктивистских теориях наличие универсальных структур априорно заложено в бессознательном.

Архетипы, в отличие от кантовских априорных форм сознания, лишены абстрактности и эмоционально насыщены. Данные врожден-

ные программы влияют на поведенческие реакции, восприятие, мышление, воображение, организуя индивидуальный опыт, формируя субъектность. По сути, архетипы являются априорными формами родового опыта, которые служат сигналами к определенному действию индивида, так как они содержат в себе и общие для всего живого инстинкты, и специфические реакции на феномены внешнего и внутреннего миров¹.

Об априорности архетипов говорит то, что они не несут конкретного психического или смыслового содержания. Бессознательное поставляет исключительно чистые формы, которые заполняются содержанием через индивидуальный опыт. Архетипы воплощаются в результате возникновения проблемной, кризисной ситуации, и начинают работать по такому же принципу, что и кантовские категории с той лишь разницей, что они формируют структуру психики, а не рассудка. Каждый архетип имеет определенную схему (форму), которая связывает с сознанием информацию, получаемую из внешнего и внутреннего миров.

Огромное влияние концепция архетипов Юнга оказала на становление структурной антропологии К. Леви-Стросса. Согласно концепции Леви-Стросса, через установление корневого морфологического единства различных культурных форм можно обнаружить те универсальные конструкты, которые являются предпосылками субъектности. Многообразие языков, мифических представлений, социальных отношений коренится на общей основе (универсальных структурах), которая обусловлена биологической конституцией человека, априорно заложена в бессознательном. Задачей структурной антропологии является выявление этих базовых конструктов. Они составляют исходную единую матрицу, которая позволяет систематизировать и классифицировать различные проявления культурной реальности. Универсальные структуры сознания показывают, как функционирует культурная практика и как меняются представления индивидов. Установить общую схему (структуру) мифов и ритуалов возможно с помощью сведения их к базовым компонентам. Например, изучая примитивные общества, Леви-Стросс обнару-

¹ Юнг К. Г. Структура психики и архетипы. М.: Академический Проект, 2009.

живает, что культура аборигенов и западное общество имеют сходные характеристики таких базовых компонентов¹.

В отличие от теории архетипов Юнга, с точки зрения которого архетипы не операциональны, «досубъектны», т.е. не корректируют сознание индивида, поскольку проявляют себя главным образом в эмоциональной сфере, универсальные структуры сознания Леви-Стросса выступают в роли своего рода «рабочих гипотез», приспособляющих познавательный процесс к сфере бессознательного и придающих ему символическую форму.

Субъективация мира с позиции конструктивистской эйдетики

Если конструктивистский гилеоморфизм можно условно назвать «линией Канта» в конструктивизме, то конструктивистская эйдетика — это «линия Гегеля». Эйдос, как и форма, является обязательным компонентом познания, определяет структуру бытия. Однако эйдос — это не средство и не способ, а предмет познания. Знание форм невозможно, но знание эйдосов — необходимо. Для созерцания эйдоса требуется интеллектуальная интуиция, дающая возможность «увидеть» любую вещь в своем понятии. Если форма опосредует знание реальности, то усмотрение сущности (эйдоса) представляет собой непосредственное, подлинное знание реальности, раскрытое в понятии.

Согласно гилеоморфизму Канта, мы познаем являющийся нам мир, но каков он сам по себе (по своей сущности), мы не знаем. В эйдетике Гегеля определения мышления придают онтологический статус, исходя из признания тождества идеального содержания мышления и реального содержания бытия. Тем самым эйдетика преодолевает «агностицизм» «линии Канта» в конструктивизме. Мир познаваем и познаваем именно таким, каким он нам является. К конструктивистской эйдетике мы относим те концепции, которые придают мышлению онтологический статус, а усмотрение сущности (эйдоса) рассматривается как непосредственное, интуитивное, подлинное знание реальности.

Ключевой фигурой в конструктивистской эйдетике является Э. Гуссерль, концепция которого осуществляет переход от «естественной установки» к познанию сущности предметов и феноменов, освобожденных от всего эмпирического и психологического. Основополагающей непосредственной аподиктической очевидностью обладают трансцендентальная субъектность и мир феноменов, которые являются ее частью. Благодаря интенциональности сознания преодолевается разрыв между субъектом и объектом, они взаимно определяют друг друга. Согласно феноменологии, процесс самоконструирования субъекта осуществляется с помощью «усмотрения сущности» и априорного синтеза («нахождения горизонта смысла»). Осмысление сознанием разных сторон действительности через себя помогает создать в опыте относительно устойчивое представление о реальности.

Конструирование феноменальной действительности осуществляется посредством телесности человека, — «сознание-тело» (М. Мерло-Понти) — определяющей горизонт экзистенциального пространства-времени и опыта человека и мира в целом. Например, Мерло-Понти исходит из того, что чувственное восприятие мира неизбежно обусловлено телесностью, которая привносит в представления о мире свое специфическое «знание» о реальности². Судить насколько совершенно и истинно «отражение» действительности непостижимо из-за невозможности стать независимым сторонним наблюдателем своих когнитивных процессов. Тело настолько тесно «переплетено» с миром, что очень трудно увидеть сами границы реальности и наших феноменов. Человек обладает осознанием мира только при посредстве своего тела, оно воспринимает окружающую действительность и, самое главное, дает возможность конструировать индивидуальную реальность, субъектность.

Средством субъективации содержания индивидуального сознания и системы представлений человека о реальности являются «универсальные языковые структуры» (Ф. де Соссюр)³. Познаваемая реальность есть

¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

² Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999.

³ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004.

совокупность знаковых систем и культурных текстов. В каждой языковой сущности — в знаке — можно выделить две стороны: означающее, в качестве которого выступает чувственный образ (выражение), и означаемое — смысл (содержание представления о предмете действительности) — проявление субъектности. Знаки, предназначенные для выражения идей, безразличны к их содержанию, функционирование знаков закреплено в традиции и передается из поколения в поколение. Таким образом, знаки можно рассматривать как ментальные конструкты, несущие в себе смысл, который обусловлен культурной традицией. Однако расшифровать этот смысл может только социокультурный субъект. Данные расшифровки есть, по сути, различные формы субъективации реальности.

Дальнейшее развитие эти конструктивистские идеи получают в онтологической герменевтике (Х.— Г. Гадамер, П. Рикер). Наиболее значимой для нашего исследования является модель «предпочтительной интерпретации» П. Рикера¹. Согласно Рикеру, язык, изначально обладающий символической функцией, создает вторичное осознание реальности, так как при первичном понимании человек интуитивно постигает существование до языка. Таким образом, язык является средством, с помощью которого человек конструирует «второй мир». Истолкование символов осуществляется в соответствии с «сеткой предпочтений» той или иной теоретической системы (или научной парадигмы), при этом символ лишается в процессе интерпретации своей многозначности. Существование субъекта, о котором говорит онтологическая герменевтика, всегда является интерпретированным существованием. В работе интерпретации субъект открывает многочисленные модальности собственной зависимости — от желания, высвеченного в его археологии, до духа, высвеченного в его телеологии и до священного, высвеченного в его эсхатологии.

Синтез структурализма и психоанализа порождает еще одну своеобразную конструктивистскую модель философствования, предложенную Ж. Лаканом². Ее основное положение

заключается в том, что, вопреки мнению большинства психоаналитиков, механизмы бессознательного могут получить адекватную интерпретацию, могут быть субъективированы. Бессознательное подвергается формализации с помощью лингвистических моделей, что дает возможность осуществить «рационализацию» душевной жизни. По сути, выявление «грамматики языка» и «грамматики разума» это и есть интерпретация и структуризация бессознательного.

Лакан, подобно многим конструктивистам, пересматривает декартовское *cogito ergo sum*, считая, что субъект не исчерпывается *cogito*, поэтому его следует рассматривать на разных уровнях. Обоснование существования с помощью мышления должно быть также опосредованно речью. Речь (язык) выполняет творческую символическую функцию и является первичной по отношению к бытию структурой, так как является универсальным источником образования значений и смыслов, посредством чего «образуются» предметы (вещи). Лакан считает, что понятие способно замещать вещь с помощью символических свойств языка. Поэтому возможна свобода человека, которая проявляется не в области физического или психического, а в области символического и реализуется в языке. Благодаря символическому творчеству человек выходит за границы эмпирического мира в мир культуры. Таким образом, индивидуализированный субъект классической философии обретает в структурализме своего культурного двойника, который, по мысли Лакана, «децентрирован», растворен в формах языкового порядка и является инструментом и результатом презентации культурных смыслов языка.

Интерсубъектность с позиции конструктивистской герменевтики

Априорные формы можно рассматривать не только как способы презентации реальности, но и как нормы общения, гарантирующие понимание. Нормы общения представляют собой не столько знания о реальности, сколько коммуникативные правила, установленные в том или ином сообществе. Каждый участник коммуникации выражает свое знание в общепринятой форме.

¹ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002.

² Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995.

Конструктивистская герменевтика, как и конструктивистский гилеоморфизм, говорит о вторичности онтологии. Ключевой фигурой здесь является Л. Витгенштейн, придавший достоверности системный характер, т.е. определивший ее тем, что убеждения согласуются с множеством других убеждений, разделяемых всеми и постоянно воспроизводимых в общении и деятельности¹. Согласно конструктивистской герменевтике, система знаний не есть предмет созерцания — это взаимосвязанная совокупность вопросов и ответов, т.е. закрепленное обществом требование давать на определенные вопросы определенные ответы. Таким образом, конструктивистская герменевтика включает в себя модели философствования, подразумевающие под реальностью продукт социокультурного опыта, истинность суждений о которой проясняется и закрепляется в процессе коммуникации.

Согласно моделям конструктивистской герменевтики, субъектность является результатом коммуникативных взаимодействий. Коммуникация, как нечто «субъективное», в то же время осуществляется в реальном (объективном) мире с помощью определенных материальных (объективных) средств (знаки языка, жесты, действия и т.д.). Такого рода объективация является, по сути, интерсубъектностью. Социокультурные тексты существуют объективно, но в то же время предполагают коммуницирующих субъектов, так как только они придадут им смыслы, сделают эти смыслы собственным достоянием и включат их в структуры индивидуального и коллективного жизненного опыта.

Интерсубъектность, согласно концепции П. Бергера и Т. Лукмана², представляет собой способы создания индивидами и обществом социальных феноменов, которые превращаются в культурные традиции и участвуют в конструировании реальности. Конструирование мира происходит в результате социальных взаимодействий. Многие социокультурные знания, полученные путем коммуникации, даются индивиду априорно. Подобная преемственность знаний — от общества к субъекту — изначально

гарантирует индивиду смысловой порядок. Эта упорядоченность опыта, хотя и связана с определенной социально-исторической ситуацией, царящей в обществе, но, тем не менее, кажется индивиду естественным способом видения мира, он принимает его безоговорочно и чаще всего до конца не осознает.

Данная упорядоченность осуществляется посредством разнообразных социальных институтов. Основной задачей социального института является стабилизация деятельности человека. Создание социальных институтов происходит благодаря процессу хабиитуализации («опривычивания») различных видов деятельности. Действия, которые часто воспроизводятся, становятся образцами поведения, которые могут многократно повторяться с минимальной затратой жизненных сил, так как субъект освобождается от проблемы выбора и способен предсказывать поведение других людей. Знания о системе типизированных действий (социальные конструкты) передаются новому поколению и воспринимаются как знания объективной реальности, которая, как кажется социокультурным субъектам, существует независимо от них.

С процессом такой «объективации» знаний связана реификация — полное овеществление социальной реальности. Человек не осознает, что социальная действительность и есть продукт совместного творческого конструирования субъектов, поэтому он воспринимает ее как отчужденную фактичность, как следствие раз и навсегда данного «порядка вещей».

Завершающим шагом в формировании социальных институтов является легитимация. Она заключается в объяснении смысла их существования, закрепленного в языке. Успешное принятие и запоминание этого смысла субъектами возможно при условии максимального упрощения институциональных значений, сведение их до уровня стереотипов. Легитимации усваиваются новым поколением в ходе социализации, этот механизм укрепляет институциональный порядок. Знания, накопленные в обществе на протяжении его исторического развития, образуют «символический универсум», который включает в себя их все — от донаучных до научных.

Таким образом, хотя человек сам творит социальный мир в процессе субъективации, тем не менее, он воспринимается им как нечто

¹ Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67–120.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Меду, 1995.

от него независимое (объективация). Образова собственные модели реальности, человек исходит из потенций, заложенных в нем самом и в социальной среде, которые проявляются в опыте повседневности. Перестраивая представления о социальной среде, в которую погружен субъект, он конструирует себя, составляя с реальностью процессуальное единство. Социальные институты также являются продуктами его творческой активности. Влияние социальных институтов на мировоззрение человека осуществляется через преэмптионность «схем типизации». Для социокультурного субъекта жизненно необходимо, чтобы разные модели реальностей не только согласовывались друг с другом, но и гармонично соотносились с господствующей реальностью повседневности (адаптация).

Осмысленность интерсубъектной реальности объясняется погруженностью субъекта в контекст «языковых игр» (Л. Витгенштейн). Целью языковой игры является устранение «ловушек» естественного языка путем постоянного «перевода» непонятных предложений в более понятные с точки зрения установленной «сетки предпочтений». Поскольку социокультурная реальность погружена в языковые игры, понятия, отсылающие к предметности (в том числе и само понятие «субъект») являются носителями «утопической денотации» (Р. Барт)¹. Во всеобщем опосредовании они утрачивают онтологический гарант семантической определенности, естественную связь между означающим и означаемым. Так как все проявления реальности, одним из которых является сам субъект, с точки зрения конструктивистской герменевтики можно рассматривать как своего рода социокультурные тексты, понять эти тексты становится невозможно, не разрушив прежние стереотипы, т.е. не проведя «деконструкцию» (Ж. Деррида)². Реальность социокультурного текста представляет собой «ризому» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари) — децентрированную систему, которая развивается в разных направлениях в соответствии с разными интерпретациями смысла³.

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

² Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Алетейя, 1999.

³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. М.: АСТ, 2007.

Переход к конструктивистской модели «реальность-текст» осуществлен нами не случайно. В мире современных коммуникаций такая важнейшая функция субъекта как самоидентификация, получает широкое воплощение в разнообразных текстах-сообщениях (файлах). По сути, субъект обрел новую «телесность» в текстах-файлах, которые благодаря средствам телекоммуникации, могут обладать одновременно разными пространственно-временными координатами, а потому лишаться своей привычной «субъектоцентричности». Кроме того, субъект, находясь в телекоммуникационных сетях, открывает свою сущность, выражает свой жизненный опыт посредством определенных сетевых установок-нарративов. Они представляют собой специфические акты интерпретации, посредством которых определяются смыслы принятые и понятные для определенного сетевого сообщества, открывающие возможность самоидентификации и самопознания его участников. Таким образом, современный концепт субъекта, как никогда ранее, это, по словам В. А. Лекторского, «хрупкое образование, возможное лишь в определенных культурных и исторических условиях»⁴.

Представленный нами набросок типологии конструктивизма позволяет рассмотреть конструктивистские модели философствования в их преэмптионности и взаимовлиянии в соответствии с определенными исторически сложившимися типами мышления, традициями философствования в свете такой значимой философской проблемы, как проблема субъекта. Нами выделяются три типа конструктивистских моделей философствования: конструктивистский гилеоморфизм, конструктивистская эйдетика и конструктивистская герменевтика. В качестве базовых конструктов в конструктивистском гилеоморфизме выступают априорные формы сознания, являющиеся предпосылками субъектности, в конструктивистской эйдетике — феномены сознания, обеспечивающие субъективацию мира, а в конструктивистской герменевтике — способы коммуникации, служащие условием интерсубъектности.

⁴ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2009. С. 182.

Список литературы:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медум, 1995.
2. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67–120.
3. Гутнер Г. Б. Гилеоморфизм, эйдетика и коммуникативные практики // Наука: от методологии к онтологии. М.: ИФ РАН, 2009. С. 152–167.
4. Касавин И. Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология & философия науки. 2008. Т. XV. № 1. С. 5–14.
5. Князева Е. Н. Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. М.: ИФ РАН, 2006. С. 133–152.
6. Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2008.
7. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009.
8. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке: (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 18.
9. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
10. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2009.
11. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
12. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999.
13. Обсуждаем статьи о конструктивизме (В. П. Филатов, И. Т. Касавин, Г. И. Рузавин, А. Ю. Антоновский) // Эпистемология & философия науки. 2009. Т. XX. № 2. С. 144–156.
14. Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 35–45.
15. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. М., 1998.

References (transliteration):

1. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M.: Medum, 1995.
2. Vitgenshtein L. O dostovernosti // Voprosy filosofii. 1991. № 2. S. 67–120.
3. Gutner G. B. Gileomorfizm, eidetika i kommunikativnye praktiki // Nauka: ot metodologii k ontologii. M.: IF RAN, 2009. S. 152–167.
4. Kasavin I. T. Konstruktivizm: zayavlennye programmy i nereshennye problemy // Epistemologiya & filosofiya nauki. 2008. T. XV. № 1. S. 5–14.
5. Knyazeva E. N. Epistemologicheskii konstruktivizm // Filosofiya nauki. Vyp. 12: Fenomen soznaniya. M.: IF RAN, 2006. S. 133–152.
6. Konstruktivizm v teorii poznaniya / Otv. red. V. A. Lektorskii. M.: IFRAN, 2008.
7. Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke / Otv. red. V. A. Lektorskii. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2009.
8. Konstruktivizm v epistemologii i naukakh o cheloveke: (materialy «kruglogo stola») // Voprosy filosofii. 2008. № 3. S. 18.
9. Levi-Stross K. Strukturnaya antropologiya. M.: EKSMO-Press, 2001.
10. Lektorskii V. A. Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya. M.: Editorial URSS, 2009.
11. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya: biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya. M.: Progress-Traditsiya, 2001.
12. Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya. SPb.: Yuventa, Nauka, 1999.
13. Obsuzhdaem stat'i o konstruktivizme (V. P. Filatov, I. T. Kasavin, G. I. Ruzavin, A. Yu. Antonovskii) // Epistemologiya & filosofiya nauki. 2009. T. XX. № 2. S. 144–156.

14. Ulanovskii A. M. Konstruktivizm, radikal'nyi konstruktivizm, sotsial'nyi konstruktivizm: mir kak interpretatsiya // Voprosy psikhologii. 2009. № 2. S. 35–45.
15. Follmer G. Evolyutsionnaya teoriya poznaniya: vrozhdennye struktury poznaniya v kontekste biologii, psikhologii, lingvistiki, filosofii i teorii nauki. M., 1998.